

RU

Освальд Шпенглер и философия жизни в отечественной гуманитарной мысли

Киркин А. А.

Аннотация. Цель данной статьи – выявить и систематизировать основные подходы отечественной гуманитарной мысли к интерпретации связи философских идей Освальда Шпенглера с наследием философии жизни. Автором изучаются основные подходы к осмыслению его культурно-исторической концепции в работах отечественных исследователей, выявляются особенности их трансформации под влиянием идеологических установок. Особое внимание уделяется идейным источникам шпенглеровской концепции, включая Ф. Ницше, В. Дильтея и А. Бергсона, а также анализу их переосмысления в рамках его историософии. Научная новизна заключается в том, что в статье устанавливается сложный и многослойный характер интерпретации культурно-исторической концепции Шпенглера, отражающий специфику развития российской гуманитарной мысли. В результате показано, что в отечественной традиции Шпенглер одновременно воспринимался как представитель философии жизни и как объект критики со стороны марксистской науки.

EN

Oswald Spengler and the philosophy of life in Russian humanitarian thought

A. A. Kirkin

Abstract. The purpose of this article is to identify and systematize the main approaches of Russian humanitarian thought to the interpretation of the connection between the philosophical ideas of Oswald Spengler and the legacy of the philosophy of life. The author examines the main approaches to understanding his cultural and historical concept in the works of Russian researchers, identifies the features of their transformation under the influence of ideological attitudes. Special attention is paid to the ideological sources of Spengler's concept, including F. Nietzsche, W. Dilthey and H. Bergson, as well as to the analysis of their reinterpretation within the framework of his historiosophy. The scientific novelty lies in establishing the complex and multilayered nature of the interpretation of Spengler's cultural and historical concept, reflecting the specifics of the development of Russian humanitarian thought. As a result, it is shown that in the Russian tradition, Spengler was simultaneously perceived as a representative of the philosophy of life and as an object of criticism from Marxist science.

Введение

Интерес к творчеству Освальда Шпенглера и традиции немецкой философии жизни в отечественной гуманитарной мысли сохраняет устойчивую актуальность, отражая поиски целостного понимания исторического процесса и культуры. Интерпретация наследия Шпенглера в российской науке отличалась неоднозначностью и зависела как от интеллектуального контекста эпохи, так и от различных идеологических установок исследователей. Особое значение приобретает анализ того, каким образом идеи философии жизни были восприняты, трансформированы и переосмыслены в отечественной историографии. Это дает возможность проследить не только особенности восприятия отечественными исследователями западноевропейской мысли, но и особенности развития самой российской гуманитарной мысли.

Степень изученности данной проблемы в отечественной гуманитарной мысли нельзя назвать однородным, поскольку она распадается на несколько исследовательских линий, которые не всегда прямо соотносятся друг с другом. В советский период формируется устойчивая критическая традиция, которая была представлена исследованиями В. Ф. Асмуса (1933), И. С. Кона (1959), П. П. Гайдено (1969), Г. Д. Чеснокова (1972) и других авторов, где культурно-историческая концепция Шпенглера рассматривается преимущественно

в контексте марксистской критики буржуазной философии и идеологии. Вместе с тем в работе Г. М. Тавризян (1989) предпринимаются попытки более содержательного философского анализа, направленного на выявление связей идей Шпенглера с традицией философии жизни. В современной российской науке, а именно в работах А. А. Степановой (2015), О. Э. Терехова (Терехов, 2015; 2020; Терехов, Терехова, 2023; Терехов, Киркин, 2024), В. Ю. Даренского (2024), М. В. Медоварова (2024), наблюдается тенденция к переосмыслению его наследия, а также исследователи обращают внимание на историографию проблемы культурно-исторической концепции Шпенглера. Однако комплексные исследования, которые посвящаются анализу осмысления философии Шпенглера в контексте отечественной историографии и ее связи с философией жизни, отсутствуют. Это и определяет актуальность данной работы.

Главной сложностью при проведении анализа стало наличие разнонаправленных и во многом идеологически обусловленных интерпретаций философии Освальда Шпенглера в отечественной гуманитарной мысли. Различные исследовательские подходы, которые были сформированы в разные исторические периоды, нередко противоречат друг другу и акцентируют внимание на разных аспектах его культурно-исторической концепции – от философско-методологических до политико-идеологических. Это затрудняет целостную реконструкцию его идей и требует сопоставительного анализа источников с учетом их интеллектуального и идеологического контекста.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- проследить эволюцию восприятия культурно-исторической концепции Освальда Шпенглера в отечественной гуманитарной мысли;
- выявить место философии жизни в формировании культурно-исторической концепции Шпенглера;
- изучить и систематизировать основные подходы отечественных исследователей к интерпретации философии Освальда Шпенглера.

Для проведения исследования применяются методы историко-философского анализа, которые позволяют реконструировать содержание и контекст интерпретаций отечественных исследователей; сравнительно-сопоставительный метод – при выявлении сходств и различий между концепцией Шпенглера и традицией философии жизни; метод проблемно-тематической классификации – при систематизации исследовательских подходов; а также элементы герменевтического анализа, направленного на интерпретацию философских текстов и выявление их смысловых оснований.

Теоретической базой исследования послужили философские и историко-философские работы отечественных авторов, которые посвящены анализу творчества Освальда Шпенглера в традиции философии жизни, включая труды Н. А. Бердяева (2007), В. Ф. Асмуса (1933), И. С. Кона (1959), П. П. Гайденко (1969), С. Ф. Одуева (1971), А. Ф. Зотова и Ю. К. Мельвиля (1988), Г. М. Тавризян (1989), С. С. Аверинцева (1991), в которых рассматриваются как философские основания культурно-исторической концепции Шпенглера, так и ее идеологическая интерпретация в отечественной гуманитарной мысли.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования представленного корпуса работ отечественных исследователей при разработке и преподавании курсов по истории философии и философии культуры, а также в рамках изучения западноевропейской философии XX века и отечественной историографии.

Обсуждение и результаты

Восприятие немецкой философии жизни в отечественной историографии не было однозначным. Уже в советский период наблюдается существенное изменение подхода к интерпретации культурно-исторической концепции Освальда Шпенглера. В 20-30-е годы XX века Шпенглер начинает рассматриваться С. Бобровым (2007), К. Я. Грасисом (2007), В. Базаровым (2007), А. М. Дебориным (2007), В. Ф. Асмусом (1933) преимущественно как представитель «кризисной» буржуазной идеологии, а его культурно-историческая концепция предстает как выражение антинаучности, пессимизма и исторического релятивизма. В данных работах советских авторов акцент смещается с философского содержания на идеологическую часть его концепции. Подобный подход предполагал встраивание культурно-исторической концепции Шпенглера в марксистскую схему, что существенно ограничивало возможность ее полноценного осмысления.

В числе своих интеллектуальных предшественников Освальд Шпенглер особо выделяет И. В. Гёте и Ф. Ницше. В своем эссе «Ницше и его столетие», которое было написано к 80-летию со дня рождения Фридриха Ницше в 1924 году, Шпенглер отмечает: «Они – два неповторимых представителя немецкой культуры такого уровня, чье существование и труды выходят далеко за рамки общепринятого понимания, так как они оба с самого начала так чувствовали и относились к этому с большой ответственностью, став впоследствии достоянием своей нации и неотъемлемой частью ее духовной истории» (2020, с. 244). Шпенглер размышляет о гениальности Ницше, пытаясь осмыслить масштаб его влияния на европейскую мысль. Шпенглер говорит о Ницше: «...он развил взор, позволяющий увидеть души времен и культур, которые не открывают своих секретов классическому, уверенному в себе человеку» (2020, с. 252-253).

От Гёте Шпенглер унаследовал представление об органическом характере культур. Как пишет сам Шпенглер: «Эти культуры, живые существа высшего ранга, растут с возвышенной бесцельностью, как цветы в поле. Подобно растениям и животным, они принадлежат к живой природе Гёте, а не к мертвой природе Ньютона. Я вижу во всемирной истории картину вечного образования и преобразования, чудесного становления и прехож-дения органических форм» (1993, с. 151).

Шпенглер отмечает в первом томе «Заката Европы» следующее: «...философией этой книги я обязан философии Гёте, еще и сегодня остающейся почти неизвестной, и лишь гораздо в меньшей степени философии Ницше» (1993, с. 186). Однако основной идейный вклад в его концепцию внес именно Ницше. Как справедливо подчеркивает философ К. А. Свасьян во вступительной статье к первому тому «Закаты Европы»: «...Ницше и был самым близким, во всяком случае более близким, чем Гёте, – это бросается в глаза едва ли не с каждой второй страницы “Заката Европы”» (1993, с. 56).

Однако, помимо Ницше, на Освальда Шпенглера оказали влияние ряд других представителей философии жизни. В своей монографии «О. Шпенглер, Й. Хейзинга: две концепции кризиса культуры» философ и культуролог Г. М. Тавризян (1989) отмечает, что структура философской системы Шпенглера обнаруживает сходство с рядом положений философии жизни В. Дильтея, но в первую очередь – с идеями не упомянутого им А. Бергсона, а также Г. Зиммеля. Это родство проявляется в переосмыслении категории времени, ориентации на понятия «жизни» и органического начала, противопоставлении исторических наук естественным, а также в обращении к философскому содержанию поэзии Гёте – мыслителя, которого представители философии жизни считали своим идейным предшественником (Тавризян, 1989, с. 35).

Ранний этап осмысления Шпенглера в России связан с философской средой начала XX века, где его идеи были восприняты не столько как строгая теория, сколько как симптом эпохи. Сопоставление идей Шпенглера с философией Ницше становится заметной темой интеллектуальной дискуссии 1920-х годов. Русский философ Н. А. Бердяев (2007) в работе «Предсмертные мысли Фауста» подчеркивает различие между культурно-историческим пессимизмом Шпенглера и метафизическим пессимизмом. При этом он отмечает, что, несмотря на общий тезис об обреченности европейской культуры и отрицание прогресса, Шпенглер ближе к Ницше, чем к Шопенгауэру, поскольку его философия ориентирована не на угасание, а на реализацию воли к могуществу (Бердяев, 2007, с. 892).

Особый интерес представляет статья советского экономиста Я. М. Букшпана (2007) «Непреодоленный рационализм». Букшпан проводит сравнительный анализ образного мышления Шпенглера и философии Ницше, подчеркивая функциональное различие используемых ими образов. Согласно позиции исследователя, в творчестве Ницше образы служат средством философско-поэтического осмысления судьбы, в то время как у Шпенглера они приобретают характер инструмента анализа (Букшпан, 2007, с. 909-910).

Под руководством Алоиза Рия Освальд Шпенглер подготовил исследование о древнегреческом философе Гераклите, которое было опубликовано в 1904 году. Отечественный историк А. И. Патрушев (1995) в работе «Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880-1936)» указывает, что выбор темы, вероятно, обусловлен влиянием Ницше. В своем первом крупном произведении «Рождение трагедии» тот отмечал пренебрежительное отношение философов и филологов к досократикам, подчеркивая: «...словно и не было шестого века с его рождением трагедии, его мистериями, его Пифагором и Гераклитом» (Патрушев, 1995, с. 126). В свою очередь, С. С. Аверинцев (1991) в статье «Морфология культуры» отмечает, что Шпенглер сохранял независимость мышления, дистанцируясь от академической и литературной среды. Его ранние труды, включая диссертацию, посвященную Гераклиту, и фрагмент «Победитель», отражают стремление к созданию своей целостной концепции, в которой органично соединяются культурологический подход и историко-политическая интерпретация (Аверинцев, 1991, с. 184).

Отечественный философ С. Ф. Одуев (1971) в работе «Тропами Заратустры (влияние ницшеанства на немецкую буржуазную философию)» обращается к одному из центральных элементов культурно-исторической модели Шпенглера – типологии локальных культур, которая выстраивается вокруг идеи всеобщего циклического развития. Он отмечает, что так называемые таблицы «одновременных эпох» носят скорее символический характер и создают иллюзию причинной связи там, где отсутствует строгая историческая аргументация. По мнению исследователя, подход Шпенглера ближе к философской спекуляции, чем к научной истории, поскольку разные по своей природе культуры подгоняются под единый сценарий развития. При этом, опираясь на ницшеанскую концепцию «вечного возвращения» и идеи Дильтея, Шпенглер превращает их в основу собственной интерпретации исторического процесса (Одуев, 1971, с. 132-133).

Как отмечает историк и интеллектуальный лидер томской историографической школы Б. Г. Могильницкий, в культурно-исторической концепции Освальда Шпенглера ключевую роль играет не причинность, а идея судьбы. Развивая мысли Фридриха Ницше, Шпенглер связывает судьбу с направленностью в будущее и представлением о predetermined миссии, которая может принадлежать народу, государству или отдельному человеку, – господствовать или подчиняться. Шпенглер вкладывает в выражение *amor fati* двойной смысл. Для сильных это означает благосклонность судьбы, для слабых – ее принятие. Однако в целом судьба понимается им не как повод для покорности, а как то, чему следует соответствовать, осознавая свое предназначение и двигаясь ему навстречу (Могильницкий, 2001, с. 132).

Отечественный философ и социолог Ю. Н. Давыдов (1966) в работе «Искусство и элита» анализирует, как Шпенглер переосмысливает ницшеанскую философско-эстетическую модель. Он подчеркивает, что речь идет не о прямом продолжении идей Ницше, а об их своеобразном «приземлении» до уровня конкретной исторической реальности. Если у Ницше фигуры сверхчеловека и господской морали выступают как идеал и проекция будущего, то у Шпенглера они предстают как уже сформировавшийся тип человека западной цивилизации. В этом образе Шпенглер усматривает не пророка или героя, а вполне конкретные социальные фигуры – политика, крупного предпринимателя, инженера, организатора власти (Давыдов, 1966, с. 251).

Как отмечают исследователи А. А. Горелов и Т. А. Горелова, Освальд Шпенглер переосмысливает ницшеанскую идею воли к власти, ограничивая ее рамками западной цивилизации и рассматривая как ключевую характеристику западной культуры. В его интерпретации она становится основанием специфического типа жизненного уклада, который отличается стремлением к обладанию и экспансии. При этом образ «белокурой бестии», заимствованный у Фридриха Ницше, Шпенглер переносит из будущего в историческое прошлое, связывая его с «хищно-кошачьим резонансом» крупных немецких завоевателей. В более широком смысле он говорит об особом «этосе» власти, который проявляется в деятельности государств, экономических структур и развитии техники (Горелов, Горелова, 2016, с. 31).

Н. Д. Бондаренко, следуя традиции советской исследовательской школы, подчеркивает, что в культурно-исторической концепции Шпенглера ключевое понятие «жизнь» наследуется от Ницше. Оно трактуется как иррациональный космический поток, который раскрывается через категории души и судьбы, замещая тем самым рациональное научное объяснение интуитивным переживанием (Бондаренко, 1984, с. 57-58). Развивая сопоставление с ницшеанской традицией, Бондаренко подчеркивает, что в интерпретации Шпенглера всемирная история представляется как своего рода жесткий механизм отбора, как «суд над миром», в котором решающую роль играют не категории истины и справедливости, а сила и двойственность. В таком ракурсе исторический процесс утрачивает нравственное измерение и сводится к противоборству за доминирование. Именно здесь, по сути, обнаруживается влияние Ницше, прежде всего его концепции воли к власти (Бондаренко, 1984, с. 59).

В советской историографии взгляды Освальда Шпенглера, а также влияние на него идей Фридриха Ницше последовательно трактовались как идейные предшественники национал-социализма. Данный подход нашел отражение в ряде работ советских историков-германистов, среди которых исследования А. С. Бланка (1978), А. А. Галкина и П. Ю. Рахшмира (1987).

В работе «Германский фашизм» советский историк А. А. Галкин (1989) рассматривает культурно-историческую концепцию Шпенглера как важное промежуточное звено между ницшеанством и идеологией национал-социализма. Он подчеркивает, что Шпенглер проявил себя не столько как оригинальный мыслитель, сколько как популяризатор идей Ницше, приспособивший их к восприятию немецкого бюргерства. В таком виде интерпретация «Заката Европы» способствовала идейной подготовке общества к восприятию нацистских установок. Придавая образу сверхчеловека конкретные политико-исторические очертания «цезаря» и носителя судьбы, Шпенглер, по оценке Галкина (1989, с. 277-278), переводит философские положения в плоскость оправдания насилия и антигуманизма. Галкин (1989, с. 279) полагает, что «прусский социализм» Шпенглера представляет собой идейный суррогат, возникший в результате синтеза ницшеанских концепций с феодально-социалистическими утопиями XIX века.

В. Ф. Асмус (1933) в работе «Маркс и буржуазный историзм» отмечает, что по своему философскому содержанию культурно-историческая концепция Освальда Шпенглера находится в одном ряду с идеями французского философа Анри Бергсона, а также представителей прагматизма и гуманистического направления. При этом по степени выраженности антиинтеллектуалистической установки и широте критического охвата шпенглеровская позиция, по мнению исследователя, превосходит аналогичные подходы этих авторов (Асмус, 1933, с. 217). Далее Асмус приходит к выводу, что историческое познание у Шпенглера трактуется как предельно объективное и созерцательное, лишенное связи с практическими интересами и установками, порожденными современной жизнью. Подобное понимание сближает его с интуитивистской методологией, для которой характерно противопоставление теории практике и созерцания понятийному мышлению. Данные черты, по мнению автора, роднят шпенглеровскую концепцию с рядом гносеологических учений, лежащих в основе философии Бергсона и близких направлений (Асмус, 1933, с. 218). Кроме того, Асмус указывает, что, подобно Бергсону и прагматистам, Шпенглер рассматривает науку, основанную на интеллектуальном познании, не как средство достижения подлинной истины, а как выражение «технической воли к власти» (1933, с. 266).

В исследовании П. П. Гайденок проводится сопоставительный анализ концепций Вильгельма Дильтея, Анри Бергсона и Освальда Шпенглера, в ходе которого выявляются как общие основания, так и принципиальные различия их подходов. Отмечается, что, подобно другим представителям философии жизни, Шпенглер противопоставляет реальное, или историческое, время физическому времени, трактуемому, вслед за Бергсоном, как производное от пространственных моделей. При этом в его понимании культуры особенно заметна тенденция к проведению аналогии между «культурным организмом» и биологическим организмом, что значительно менее выражено у Дильтея (Гайденок, 1969, с. 251).

Гайденок подчеркивает, что, несмотря на ориентацию на биологические метафоры, Шпенглер сосредотачивает внимание именно на исторической реальности и, подобно Дильтею, не только придает философии истории статус центрального раздела философского знания, но и фактически отождествляет ее с философией как таковой. В то же время существенное отличие его позиции от бергсоновской заключается в признании единственной подлинной реальности – культурно-исторической, тогда как Бергсон выделяет более широкую метафизическую реальность, способную принимать различные формы проявления (Гайденок, 1969, с. 251).

В работе «Современная буржуазная философия истории» советский философ Г. Д. Чесноков (1972) отмечает, что у Шпенглера понятия «природа» и «история» представляют собой не объективные сферы реальности, а противоположные способы ее осмысления, причем история приобретает приоритет как форма постижения становления. По мнению Чеснокова (1972, с. 49), такой философский подход отражает влияние интуитивизма Бергсона, поскольку в нем история отождествляется с жизнью и сознанием, тогда как природа трактуется как застывшее и «умершее» бытие.

В работе «Буржуазная философия середины XIX – начала XX века» А. Ф. Зотова и Ю. К. Мельвиля (1988) ставится принципиальный вопрос: какие именно гносеологические основания лежат в основе культурно-исторической концепции Освальда Шпенглера? Авторы приходят к выводу, что его позиция определяется сочетанием крайнего субъективизма, релятивизма и выраженного антиинтеллектуализма. Как и для всей традиции философии жизни, исходным понятием у Шпенглера выступает «жизнь». Однако, в отличие от Вильгельма Дильтея, он не ограничивает ее рамками духовного опыта, а напротив, в его концепции заметна сильная виталистическая линия, которая сближает его с Анри Бергсоном. При этом Шпенглер вводит представление о творческом жизненном начале, которое напоминает что-то вроде внутреннего импульса, который движет культурой изнутри. Немецкий философ не всегда подробно объясняет, как именно это работает, но ясно одно: именно в этом начале он видит источник и основание всей культурной жизни. Одновременно Шпенглер проводит жесткое различие между природой и историей, противопоставляя естественные науки наукам о духе. И все же здесь возникает интересная мысль, поскольку с его точки зрения и природа, и история получают свою действительность только в сознании человека, в его переживании. Вне субъекта они как будто лишены самостоятельного бытия и существуют лишь в сфере духа (Зотов, Мельвиль, 1988, с. 419).

Как отмечают Зотов и Мельвиль, культурно-историческая концепция Шпенглера складывается на пересечении различных интеллектуальных влияний. От Фридриха Ницше он заимствует идею воли к власти, мотив упадка культуры и некоторые другие ключевые положения. У неокантианцев и Дильтея – противопоставление наук о природе и наук о культуре. Наконец, у Бергсона он перенимает интуитивизм как особый способ постижения реальности, а также характерное для философии жизни противопоставление интеллекта и инстинкта, мертвой природы и живого процесса (Зотов, Мельвиль, 1988, с. 419).

Заключение

Проведенный анализ отечественной историографии позволяет утверждать, что формирование подходов к изучению культурно-исторической концепции исследователей происходило неравномерно и во многом зависело от интеллектуального и идеологического контекста, начиная от ранних попыток философского осмысления идей Шпенглера до их последующей критической интерпретации в рамках отечественной гуманитарной мысли.

Анализ восприятия культурно-исторической концепции Освальда Шпенглера в отечественной гуманитарной мысли, особенно в советский период, показал преобладание идеологически ориентированного подхода, в рамках которого его учение рассматривалось преимущественно как выражение кризиса буржуазной мысли. Это во многом ограничивало возможность комплексного философского анализа, однако не исключало выявления существенных характеристик его концепции и ее идейных источников.

Вместе с тем установлено, что Шпенглер ориентировался на Фридриха Ницше, однако его культурно-историческая концепция формируется в более широком контексте философии жизни, включая идеи Вильгельма Дильтея и Анри Бергсона. Это проявляется в переосмыслении ключевых категорий – жизни, времени, судьбы и культуры, которые получают у него специфическую интерпретацию и становятся основой оригинальной культурно-исторической концепции.

Таким образом, реконструированный в отечественной историографии образ Освальда Шпенглера как последователя философии жизни носит сложный и весьма неоднозначный характер. Он формируется на пересечении философского анализа и идеологической критики, при этом отражает не только особенности его собственного учения, но и специфику развития российской гуманитарной мысли в различные исторические периоды.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно обозначить более детальный анализ трансформации интерпретаций философии Освальда Шпенглера в постсоветский период, а также сопоставительное изучение его осмысления в различных национальных историографических традициях. Представляется также продуктивным углубленное исследование влияния идей философии жизни на конкретные элементы культурно-исторической концепции Шпенглера и их переосмысления в современной гуманитарной мысли.

Материалы исследования | Research materials

1. Шпенглер О. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. / пер. с нем. М.: Мысль, 1993. Т. 1. Гештальт и действительность.
2. Шпенглер О. История и политика. Избранные сочинения / пер. с нем. М. В. Медоварова и А. А. Радченко. СПб.: Владимир Даль, 2020.

Источники | References

1. Аверинцев С. С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Новые идеи в философии: ежегодник Философского общества СССР, 1991. М.: Наука, 1991.
2. Асмус В. Ф. Маркс и буржуазный историзм. М. – Л.: СОЦЭГГИЗ, 1933.
3. Базаров В. Шпенглер и его критики // Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: публицистика 1914-1922. М.: Астрель, 2007.

4. Бердяев Н. А. Предсмертные мысли Фауста // Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: публицистика 1914-1922. М.: Астрель, 2007.
5. Бланк А. С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы. М.: Мысль, 1978.
6. Бобров С. Контуженный разум // Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: публицистика 1914-1922. М.: Астрель, 2007.
7. Бондаренко Н. Д. Апология безысходности (Анализ буржуазных интерпретаций кризиса капитализма). М.: Мысль, 1984.
8. Бухшпан Я. Непреодоленный рационализм // Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: публицистика 1914-1922. М.: Астрель, 2007.
9. Гайденок П. П. Категория времени в буржуазной европейской философии истории XX века // Философские проблемы исторической науки: сборник. М.: Наука, 1969.
10. Галкин А. А. Германский фашизм. Изд-е 2-е. М.: Наука, 1989.
11. Галкин А. А., Рахшмир П. Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1987.
12. Горелов А. А., Горелова Т. А. «Закат Европы» О. Шпенглера и возможность заката мира // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1.
13. Грасис К. Вехисты о Шпенглере // Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: публицистика 1914-1922. М.: Астрель, 2007.
14. Давыдов Ю. Н. Искусство и элита. М.: Искусство, 1966.
15. Даренский В. Ю. О. Шпенглер как продолжатель идей русской философии // Русско-Византийский вестник. 2024. № 1 (16).
16. Деборин А. М. Гибель Европы или торжество империализма? // Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: публицистика 1914-1922. М.: Астрель, 2007.
17. Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К. Буржуазная философия середины XIX – начала XX века. М.: Высшая школа, 1988.
18. Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли (Критические очерки философии истории эпохи империализма). М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959.
19. Медоваров М. В. Религия и типы мировоззрения в трудах Освальда Шпенглера по истории древнего мира // Русско-Византийский вестник. 2024. № 1 (16).
20. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. Томск: Издательство Томского университета, 2001. Вып. 1. Кризис историзма.
21. Одуев С. Ф. Тропами Заратустры (влияние нищестанства на немецкую буржуазную философию). М.: Мысль, 1971.
22. Патрушев А. И. Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880-1936) // Новая и новейшая история. 1995. № 3.
23. Свасьян К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. / пер. с нем. М.: Мысль, 1993. Т. 1. Гештальт и действительность.
24. Степанова А. А. «Закат Европы» Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920-1930-х гг.: поэтология фаустовской культуры. СПб., 2015.
25. Тавризян Г. М. О. Шпенглер, Й. Хейзинга: две концепции кризиса культуры. М.: Искусство, 1989.
26. Терехов О. Э. История и политика в трудах Освальда Шпенглера: проблемы историографии / Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2020.
27. Терехов О. Э. От традиции к «консервативной революции»: история и идеология в культурно-исторической концепции Освальда Шпенглера // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 2. № 3 (63).
28. Терехов О. Э., Киркин А. А. Культурно-историческая концепция О. Шпенглера в современной российской историографии // Общество: философия, история, культура. 2024. № 4.
29. Терехов О. Э., Терехова О. Н. Диалектика «Заката Европы»: рецепция интеллектуального наследия Освальда Шпенглера в советской гуманитарной мысли // Диалог со временем. 2023. № 82.
30. Чесноков Г. Д. Современная буржуазная философия истории. Критический очерк. Горький: Изд. Горьковского ун-та, 1972.

Информация об авторах | Author information

Киркин Анатолий Александрович¹

¹ Кемеровский государственный университет

Anatoly Alexandrovich Kirkin¹

¹ Kemerovo State University

¹ kirkin995@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 30.04.2026; опубликовано online (published online): 28.05.2026.

Ключевые слова (keywords): Освальд Шпенглер; культурно-историческая концепция; философия жизни; отечественная историография; Oswald Spengler; cultural and historical concept; philosophy of life; Russian historiography.